

ВОРОБЬЕВА

ПОЛИНА

ONTUDATLAN

Полина Воробьева

ONTUDATLAN

«Издательские решения»

2014

Воробьева П.

ONTUDATLAN / П. Воробьева — «Издательские решения»,
2014

В недалеком будущем, где людей интересуют только компьютерные технологии и они даже не замечают приближения экологической катастрофы, на рынке мобильных приложений появляется ONTUDATLAN. Чудо-приложение, которое способно менять мысли и чувства людей. Оно вторгается в жизнь и простого ученого по имени Онту, который мечтает когда-нибудь встретить отца, бросившего его с матерью много лет назад. Но он даже и не подозревает о том, насколько тесно его судьба теперь будет связана с этим приложением и ... с его отцом.

© Воробьева П., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Воробьева Полина

ONTUDATLAN

Я не знаю, каким в точности существовал мир до меня. Но я совершенно точно убежден в том, что реальность сегодня никогда не будет реальностью в том смысле слова, который вкладывают в нее.

Глава 1

Стоило мне отодрать голову от подушки, как на меня обрушился вой электротехники и прочих бытовых приборов, и я в который раз пожалел, что вообще додумался купить эту чертову систему MindTouch. Может в чем-то она и была хороша, но меня она все чаще выводила из себя. MindTouch представляла собой универсальную компьютерную систему, которая позволяла ее обладателю синхронизировать работу всех электро-и бытовых приборов в доме. Программа была рассчитана на то, чтобы срабатывать на мгновенные изменения давления, дыхания и кровообращения, когда человек пробуждается. Соответственно, стоило только открыть глаза, как программа запускала одновременную работу всех приборов в доме: кофеварки, телевизора, ноутбука, тостера и т. д. Эта системка была придумана лет 6 или 7 тому назад и стала настоящим прорывом в области компьютерных технологий и искусственного интеллекта. Девиз выпускавшей программу компании гласил: «Зачем самому делать то, что за тебя могут сделать другие? MindTouch – умная программа для умных людей, которые любят вставать с правильной ноги». Эта первая модель программы, MindTouch 800, и стояла у меня дома. Конечно, она морально устарела: сейчас на рынке выпускались более продвинутые версии MindTouch 1000, 1400, 1600 и 1800. Последние версии не только срабатывали на изменение физических параметров человека, но и постоянно отслеживали его физическое состояние. Ходили слухи, что компания, которая кстате на лени людей сколотила приличное состояние в несколько миллиардов долларов, готовила к выпуску еще одну модель, позволявшую реагировать не только на физические параметры человека, но и постоянно контролировать их: в программу забиваются такие физические параметры, которые в обычном состоянии считаются для человека нормой, и программа в течение каждого часа проводит их замер на предмет отклонения от нормы. Самым невообразимым новшеством компании, заявленным ею на недавно прошедшей всемирной конференции по компьютерным инновациям, было желание создать программу, которая не только бы отслеживала физическое состояние человека, но и автоматически вызывала бы медицинскую службу, если бы обнаружила отклонение от нормы. Я крайне скептически относился к этой идее и, честно говоря, думал, что руководству компании уже, мягко говоря, просто нечем удивить их покупателей.

Впрочем, я совершенно точно отклонился от темы. Меня зовут Онту. Скромный ученый-кибернетик, который в свободное от работы время занимается хакерским промыслом. Но альтернативы я для себя не видел. Деньги, приносимые научной деятельностью, были неплохи и хватали для нормального существования ниже среднего уровня, но все же подавляющее большинство жителей планеты оставляли побоку от прелестей мира сего. Мой дедушка рассказывал мне, что когда он был маленьким ребенком, накрученные сотовые телефоны, планшеты и гаджеты только становились явлением повседневной деятельности, хотя при их быстром появлении также быстро успевали возникать и сопутствующие им психические расстройства. Вряд ли одиночество можно назвать психическим расстройством, но в дни уже моей молодости одиночество стало нормой. Техника и инновации вообще, казалось, способны были дать все, но на самом деле отнимали нечто большее, что существовало до их появления.

Каждое утро, вставая с кровати, каждый член семьи – папа, мама, сын, дочь – все они первым делом считают поздороваться со своим компьютерным другом – ноутбуком, планшетом и т. д. – и пожелать ему доброго утра. Далее вместе со своим компьютерным другом они перемещаются на кухню, где напротив каждого члена семьи не сидит другой член семьи, а стоит компьютерный друг. Общепринятым считаются поглаживание своего друга, говорение ему ласковых слов, даже празднования дня рождения – даты его сборки. Спросите, для чего нужен такой друг? Для того чтобы на все ваши комментарии, мысли, излияния чувств отвечать так, как вы того хотите. И знаете, все при этом ощущают себя комфортно и счастливо. Для чего тогда нужна настоящая семья, спросите вы? Банально, но единственную вещь, которую компьютерный друг еще не в состоянии заменить, так это продолжение рода. Процесс совокупления все еще остается за людьми, пока что. И пока что меня это радует. Видимо, не все еще остатки здравого смысла были потрачены человечеством.

Компьютерный друг – член семьи. А природой положено, чтобы одни члены семьи уходили, а на их место приходили другие. Компьютерный парк семейства также обновляется, точнее обновлялся раньше. Природные материалы, которые уходили в основу создания компьютеров и прочей техники, давно истощились и сейчас свой век доживают последние его сохранившиеся представители. В человечестве (я намеренно не говорю стране, потому что сейчас существует одно большое человечество, не разделенное принадлежностью к какой-либо стране) назревает кризис: люди, десятилетиями жившие бок о бок с компьютерными друзьями, не могут поверить в истощаемость ресурсов и вытекающую отсюда невозможность обновить своего друга. Мои коллеги по ученому миру, ученые в области восстановления невозобновляемых источников энергии и материалов, давно работают над проблемой создания искусственных веществ-заменителей, которые по составу копируют бы те элементы, из которых производится компьютерная техника. Они даже пришли к каким-то успехам. Они создали это самое искусственное вещество и пустили пробную партию техники, изготовленной из этого вещества. Но его цена оказалась слишком высокой. Только миллионщики и аудитория «миллионщики+» могут себе позволить купить товары из этой лимитированной партии. И вот на фоне этого назревающего кризиса, а, может быть, и гражданской войны (достоверно неизвестно, но по человечеству ходят слухи, что запасы необходимых ископаемых еще не истощились, а находятся в руках некоторых государственных структур, которые зажимают их до нужного им времени) на свет готовится выйти одна разработка – точнее одно мобильное приложение...

Итак, стоило мне отодрать голову от подушки, как на меня обрушился вой электротехники и прочих бытовых приборов, и я в который раз пожалел, что вообще додумался купить эту чертову систему MindTouch. Голова и так болела после вчерашней гулянки с бывшими одноклассниками по универу, а теперь голова и вовсе готова была взорваться от звона тысяч сирен, которыми разразились стоявшие на кухне телевизор, радиоприемник, микроволновка, тостер, кофеварка, а еще электровеник, бритва и голосовой определитель погоды. Я встал, шатающейся походкой доплелся до холодильника, открыл его и за несколько секунд осушил полный пол-литровый пакет молока. Мои глаза все еще были закрыты, и только после разбужавшегося по телу легкого холода от пакета молока они начали медленно приоткрываться. Сначала, как в тумане, я увидел какие-то цветные полосы, потом им на смену пришли чьи-то очертания, а потом эти очертания все же слились в силуэт телеведущей, вещавшей из моего телевизора. Она бодро вещала что-то про Ontudatlan. Ontudatlan – новое мобильное приложение, которым уже заели уши все средства массовой информации: телек, радио, газеты. Все вещали о чудо приложении Ontudatlan, в суть которого я не вникал. Когда я услышал о нем впервые, я только посмеялся, что начало названия приложения очень созвучно с моим именем: Ontudatlan – Онту. На этом мой интерес к нему иссякал.

Да что же это такое, и ты здесь, – я с минуту отчужденным взглядом смотрел на телеведущую, после чего по неровной траектории опустил взгляд на лежавшую на столе газету. «Society

times» считалось одним из самых объективных и авторитетных изданий нашего человечества, поэтому то я его все еще выписывал за огромные деньги. Выписка традиционных бумажных изданий в настоящее время была сильно ограничена государством в связи с катастрофической нехваткой лесных ресурсов на Земле, поэтому каждый новый бумажный номер газеты неизменно прибавлял в цене и терял годами нажитую аудиторию, которая хотела по старинке тереть бумагу и пачкать руки о свежую типографскую краску, не говоря уже о том, что у кого-то запах бумаги и чернил вызывал экстаз, сродни токсикомании. Впрочем, налагаемые государством ограничения касались не только производства периодических изданий, но и всей древесной продукции: от бумаги до деревянной мебели и карандашей.

Такс... – мой отупевший после сна взгляд медленно переползал с одного заголовка на другой, – «Межконтинентальное правительство вновь вводит налог на потребление электроэнергии сверх нормы для малообеспеченных семей», «С 1 июля стоимость литровой бутылки чистой арктической воды увеличивается в 2,5 раза», «Согласно последним исследованиям ученых, употребление человеком в пищу только мяса кролика может вызвать в нем неотвратимые генетические изменения» и «Ontudatlan – новая эра в разработке мобильных приложений».

Черт... и здесь он. – Я с досады швырнул газету в мусорную урну, стоявшую в углу кухни. Что в нем такого?....

Я сделал небольшой круг по кухне, после чего пошел в гостиную. Нужно было собираться на работу. У меня была одна из немногих профессий, которая позволяла приходиться на работу тогда, когда хочешь. Здесь ценился только результат, а не время, затраченное на его получение. Я протаскивал голову через свитер, когда комната взорвалась от звонка мобильного телефона.

I do not know

How exactly the world existed before me.

But I definitely convince

That the reality will never be a reality in the sense

That invest there.

Мелодия доносилась откуда-то из-под кровати в спальне. Я метнулся туда, залез под кровать, нашел телефон, ударился головой о каркас, встал, пнул кровать ногой в припадке ярости и боли и нажал на кнопку.

– Онту?... Онту?...

– Да, это я...

– Онту, это Ольве. С тобой все в порядке?

– Да, только утро как-то хреново началось.

– Ты на работу собираешься?

– Ты застал меня в дверях...

– Отлично! Нам подкинули одно важное дельце, ты нам срочно нужен.

– Я уже в пути, Ольве.

– Не сомневаюсь, Онту. Жду. – Ольве повесил трубку.

Он оставил меня в еще более растрепанных чувствах. Я не любил это чувство «растрепанности» за то, что оно было таким странным. На нижнем слое твоего странного чувства покоился недосып и вызванные им такие физические симптомы, как зевота, красные глаза, почесывания во всем теле. На среднем уровне уютно громоздилось боязливое любопытство. Работа нашего отдела никогда не была связана с экстримом или непредвиденными ситуациями вроде этой. Мы работали по четкому плану-календарю, который составлялся каждые три месяца на последующие три месяца. И каждые последующие три месяца мы точно знали, что нам предстоит сделать то, продиагностировать это, разобраться с этим и т. д. Даже если и случались казусы или сверхурочная другая работа, о ней мы, как правило, узнавали из служебных записок, которые прикладывались поверх нашего плана с пометкой «Сделать в первую очередь». На самом верхнем уровне сидел уже страх. Меня тяжело было чем-либо напугать.

Работа была полностью предсказуема. Мои хакерские проделки я совершал всегда очень аккуратно и изоощренно, так что поймать меня на этом было практически невозможно. Но даже в таких ситуациях я всегда помнил о том, что что-то в какой-то момент может пойти не так. Если о моих проделках стало бы известно моим коллегам, то я автоматически лишился бы своего рабочего места, благодаря которому кормил себя и свою больную мать, вынужден был бы выплатить огромный денежный штраф за все те убытки, которые нанес компаниям, скачивая и устанавливая в обход действующего законодательства приложения и компьютерные системы, а может и получил бы срок и отбывал его где-нибудь в районе Бермуд. Я не хотел верить в этот сценарий, но, как я уже и сказал, один маленький процент все равно оставался за ним. Поэтому когда Ольве сообщил мне о том, что нам подкинули срочное дело и я там нужен, мое сознание выдало не вполне логичное объяснение этому факту – я супер профессиональный специалист, для которого нет ничего невозможного и нерешаемого, но оно же и запустило во мне страх, связанный с этим процентом.

– Что за бред ты несешь? Возьми себя в руки!

Я встrepенулcя, схватил ключи от дома и побежал вниз по лестнице к выходу.

Глава 2

– Онту, это бомба! – Ольве быстрыми шагами направлялся в мою сторону и протягивал левую руку для рукопожатия, – Пойдем, тебя все уже ждут!

– Ольве, может, ты мне, наконец, объяснишь, что сегодня происходит?

– Онту, дружище, ты даже не представляешь, как нам всем подфартило...

– Пока что мне ничего об этом не говорит, напротив даже...

– Онту, послушай, ты знаешь, что такое Ontudatlan?

– К сожалению, я слишком часто слышу об этом везде. Какое-то новое приложение для мобильных устройств. Подробностей не знаю.

– Вот именно, везде. К нам пришли ребята из этой компании.

– Какой компании?

– Как какой? Где разрабатывают Ontudatlan.

Мы минули стеклянный переход, соединявший два корпуса здания, повернули направо и шли уже по длинному, серому, тускло освещенному коридору.

– Да??? И что же эти ребята хотят от нас?

– Они хотят, чтобы мы протестировали их приложение!

– Не понял. Что значит, протестировали?

– Онту, не строй из себя дурака. Ты уже забыл, как это делается?

– Нет, не забыл. Но такие вещи...

Ольве провел магнитную карту по экрану системы пропуска, и мы прошли в черного цвета комнату капсульной формы.

– Горан, я привел его!

– Отлично, – к нам подошел мой начальник, его лицо расплзлось в самодовольной улыбке.

– Добрый день, Горан.

– Привет, Онту! Ольве уже ввел тебя в курс дела?

– Ну... если честно...

– Ладно, пойдем, – Горан схватил меня за рукав свитера и как маленького ребенка, чья мать цепко держит его за любую часть одежды, чтобы тот не удрал от ее всевидящего ока, повел к своему рабочему столу.

– Онту, послушай, это серьезные ребята, им нужна твоя помощь. И в долгу они не останутся. Речь идет о больших деньгах... Горан перешел практически на шепот.

– Горан, я не люблю подобных сюрпризов.

– Ты глупец, Онту!

– Я просто не понимаю, зачем таким серьезным людям, которые деньги гребут лопатой, да еще и в собственном штате располагают огромными исследовательскими комплексами, социологическими службами и т. д., вдруг обращаться к какой-то вшивой научной организации с зашкаливающим уровнем амбиций с просьбой протестировать их приложение?

– Ты грубиян и параноик! А еще не патриот!

– Ну, с последним я скорее соглашусь.

– Если бы не твоя золотая голова, Онту, ты...

– Господин, Горан!

– Ааа, Питер. Знакомьтесь, это и есть наш скромный гений, Онту.

На меня уставилось скулистое бескровное лицо с пронзительными черными глазами. В ту секунду, когда Горан представлял меня этой лягушке, к нам повернулся еще один человек. Такой же склизкий, холодный тип, как и первый. Ну, хотя бы не такой урод, как первый, – подумал я.

- Рад знакомству, Онту, – Лягушка протянула мне руку для рукопожатия.
- Мы столько слышали о вас, – рука Лягушки стиснула пальцы на моей правой руке.

Меня обожгло холодом.

– Еще бы вы не слышали об Онту! Это наш гений, покорно склонивший голову перед великими тайнами науки.

– Мистер Горан, – к начальнику вплотную подошел напарник Лягушки, – Мне необходимо вам показать кое-какую документацию, касающуюся нашего проекта, – он ловко взял Горана под руку и сильным движением потянул в сторону, – а мой коллега Питер подробно введет мистера Онту в курс предстоящего дела.

– Да-да, конечно. Идемте, – они удалились и исчезли в полумраке комнаты.

– Ну что ж, мистер Онту, теперь очередь за вами. Давайте немного прогуляемся по кабинету, – холодная рука Лягушки слегка коснулась моего плеча и подтолкнула меня вперед.

Меня всего передернуло.

– Вы нервничаете? – уголки губ Лягушки слегка приподнялись в вопросительной улыбке.

– Я просто замерз, сегодня как-то слишком холодно, – только и проговорил я.

– А, понимаю. Я сам не люблю, когда в мою жизнь вмешиваются непредвиденные обстоятельства: будь то погода или работа, – я быстро покосился на него. Мне показалось, что у меня даже слегка вылезли глаза на лоб от его слов. Но он сделал вид, что не заметил изменений в моем лице, хотя, конечно, он все заметил.

– Мистер Горан рекомендовал Вас как очень хорошего специалиста, Онту.

– Мне кажется, Горан как всегда преувеличивает.

– Ну почему же? Только начальство или истинные гении могут опаздывать безнаказанно, – Лягушка подмигнула мне, – Вы, наверное, утром помогли вашей матери?

– Я...? Я... проспал.

У меня начинал заплетаться язык. Его намеки и наводящие вопросы затуманивали мне мозги.

– Откуда, откуда вы знаете про мою мать?

– Мы не принимаем на работу, пусть даже проектную, не проверенных людей, господин Онту, – Лягушка подошла к кулеру с водой и налила пол стаканчика воды.

– Возьмите, – Лягушка протянула мне стаканчик, – быстрее согреетесь.

– Спасибо, – я неловко кинул ему в знак благодарности и сделал небольшой глоток.

– Мы всегда рады помочь тем сотрудникам, кто лично нуждается в нашей помощи. Или их родственники нуждаются в нас, – Лягушка остановила на мне свой пронзительный взгляд. Его глаза буравили меня.

У меня пробежали мурашки по спине, и вообще складывалось впечатление, что его глаза работают не хуже любого детектора лжи.

– Ээээ... Что-то типа корпоративной социальной ответственности, – я решил соскочить под дурочка.

Брови Лягушки слегка вздернулись от недоумения.

– Если вам удобно называть это именно так, – он кашлянул.

Мы молча обмерили друг друга взглядами.

– И что же говорит вам ваша корпоративная социальная ответственность? – я улыбнулся нагло, полной самоуверенности улыбкой.

– Она говорит нам о том, мистер Онту, что мы должны помогать близким нашим сотрудникам, особенно если это требует определенных больших материальных затрат для последнего.

– А с чего вы решили, что я несу определенные большие материальные затраты? – еще секунда, и меня могло понести.

– Ваша мать серьезно больна, и в ее случае обычными средствами не поможешь. А на не обычные средства нужны деньги, большие деньги, которые превышают скромную зар-

плату человека, занимающую должность вроде вашей, – он вплотную подошел ко мне и наклонился к моему уху, – здесь нужен гений хакера. Гений человека, который готов взломать любую систему и слить хранившуюся на ней информацию нужным людям, не за просто так, разумеется.

В груди у меня все оборвалось. Глаза остекленели. Он отошел от меня на прежнее расстояние.

– Как вы знаете, наши законы очень строго взыскивают за подобного рода проделки. Лично я знаю пару случаев, когда таких ребят ловили, взымали с них огромные штрафы за причиненные ими материальные убытки, а потом ребятки очень быстро исчезали. А их бывшие коллеги по официальной работе делали вид, что они и вовсе никогда не знали такого человека, – Лягушка слегка покрутила шеей из стороны в сторону.

– Я верю в справедливость нашего Мирового Правительства и в то, что оно никогда не накажет невиновного человека. Хотя даже если, – я запинался – этот человек и будет виноват, то у него, наверняка, были... то есть... есть обстоятельства, которые толкнули его на это!

– Ну не горячитесь, Онту, – Лягушка улыбнулась.

– Я... я...

– Коллеги! – к нам подбежал Ольве. Его лицо было красным и мокрым.

– Коллеги! Для нас накрыли стол с шампанским! Пойдемте выпьем за наш проект!

– Да, господин Ольве, я как раз собирался отвести вашего друга к праздничному столу.

Лягушка развернулась и, плавно переставляя ноги, пошла в сторону накрытого фуршетного стола.

– У меня достаточно денег! – громко прошипел я вслед удалявшейся фигуре, – я смогу обеспечить и себя, и свою мать, чего бы мне это не стоило!

Лягушка остановилась, повернула в мою сторону лицо и с гадкой улыбкой на лице произнесла:

– А с чего вы решили, что я говорил о вас?

– Коллеги! – Ольве кричал из дальнего конца комнаты. – Ну не хорошо же заставлять себя ждать!

Глава 3

– Почему ты мне никогда не рассказывала об отце? Почему он уехал? – я пристально посмотрел в глаза матери. Они увлажнились, второй подбородок слегка подрагивал от волнения.

– Зачем беречь воспоминания о том, чего практически и не было?...

Она молчала. В этой гнетущей тишине я буквально слышал, физически сам ощущал, как встает камень у нее в горле и частыми становятся всхлипывания.

– Онту... ты пошел в отца. Такой же маленький компьютерный гений, как и он.

Она снова замолчала и затеребила в своих иссушенных старческих руках грязный носовой платок с вышитыми на нем инициалами.

– Твой отец всегда знал, что не хочет жить жизнью простого обывателя. Он в прямом смысле насмеялся над большей половиной человечества, которая жила по древнему, как оно само, принципу: ты родился, учился, женился, поступал на работу, заводил детей, работал на протяжении десятков лет и почитал за великое счастье поехать в отпуск раз в году, выходил на пенсию, еще неопределенное время прозябал в почетной нищете и умирал. А потом твои дети повторяли этот же круг: учились, заводили свою семью, заводили своих детей, которых по-человечески могли вывезти раз в год и т. д.... Еще до нашего с ним замужества твой отец поставил меня перед фактом, что наш брак ничего не поменяет в его жизни и если он посчитает нужным, он уедет от нас реализовывать свои амбициозные планы.

Мать примолкла и промокнула платком покотившиеся по лицу слезы.

– Ооо, амбиции у него лились через край. Это похоже на палку о двух концах. Представь себе человека, который обладает воистину гениальными способностями. И он знает о том, что ими обладает. В первом случае, он знает, что он гений, и трезвонит об этом всему миру на каждом шагу при каждом случае. До какого-то момента его готовы слушать и слушают: «Мол, о себе надо заявлять, все правильно делает». А потом наступает момент, когда гения становится много, его слов и требований становится слишком много. До того много, что все вдруг начинают называть его амбициозным глупцом, который может только хорошо и много говорить. Такого глупца излишние амбиции погубят, попридержи их при себе. Во втором случае, человек знает, что он гений, но он не хочет никому об этом говорить. До какого-то момента его увещевают в том, что излишняя скромность ни к чему, если есть дар – поведай о нем всем. А потом наступает момент, когда скромный гений, рогом упершийся в свою скромность, становится уже никому неинтересным, его быстро предают забвению. И в том, и в другом случае общество предаст тебя забвению. Наверное, твой отец относился скорее к первой категории гениев. Не только его слова, но и выражение его лица, его поза и походка как бы говорили о его избранности. Сам он считал себя великим... Возможно, он был осведомлен о предстоящих событиях, поэтому в такой спешке собирался в Канаду. Это произошло незадолго до того, как были открыты границы государств, и мы вступили под правление Мирового Правительства.

Мать глубоко вздохнула. Каждое произносимое ею слово давалось с большим трудом. Голос подрагивал и начинал хрипеть.

– Сейчас мы живем в эпоху относительной стабильности, а тогда нам всем казалось, что наступил Последний день человечества. Одни страны только и ждали момента, чтобы открыть свои границы и пойти навстречу всеобъемлющей глобализации, другим эта затея встала поперек горла. Тогда страны Ближнего Востока пытались дать отпор и образовали собственную конфедерацию государств. Но она существовала недолго. Экономическое эмбарго, постоянный контроль и слежка на пограничных границах, дипломатическое отчуждение и многое другое привело к тому, что им пришлось сдаться... До них... и еще долго потом продолжалось массовое переселение народов... Мать хмыкнула.

– Половина населения одной страны, всегда считавшая, что жизнь в стране-соседе гораздо лучше ее, тут же устремилась туда, а половина населения страны-соседа – к ней. И им даже в голову тогда не закралась мысль о том, что теперь между ними с приходом новой власти не стало никакой разницы. Ни стало тех, кто был лучше и кто был худше...

Она устремила свой уставший взгляд куда-то в окно. Казалось, мать вспоминала и снова переживала в своей памяти события тех времен, тех страшных перемен, перед которыми их, таких юных и неопытных, поставила жизнь.

– С тех пор за все годы отсутствия мы не получили от него ни одной весточки. Мои родные, его родные, все мы безуспешно пытались его найти, куда-то писали, чего-то ждали, на что-то надеялись. Потом нам это надоело. По какому-то негласному и одновременному решению мы сошлись на том, что нам гораздо проще и удобнее считать его просто без вести пропавшим. Я не говорю сейчас о смерти. Нет. Такой человек, как твой отец, не мог просто так умереть или погибнуть. Он живой, только где-то не здесь, где-то там, о чем мы не имеем ни малейшего понятия...

Ее слова угодили мне прямо в сердце. Я сидел и весь кипел. Нет, я не осуждал ее, хотя, мне кажется, мог бы. Выходя замуж, она сама пошла на такое потенциальное одиночество, и стоило только наступить этим самым условиям, как она довольно скоро отказалась от мужа совсем. Я очень хочу, чтобы она не была одинока, но и сам не в состоянии сгладить этого чувства...

– Онту... милый... если бы мне даже сказали, что твой отец спустя столько лет где-то рядом со мной, и я могу его увидеть, я бы отказалась от этой возможности. Мое сердце с таким трудом затянулось за эти годы, что дырявить его снова я не нахожу нужным, да еще и на старости лет. Я наконец-то повзрослела и стала эгоистичней.

Она глубоко вздохнула.

– Но у меня есть ты... – она взяла мою руку в свои и грустно улыбнулась, – я никогда не стану осуждать тебя за то, что когда-нибудь, вдруг, ты решишь его найти. Только меня с тобой не будет.

– Я даже никогда не думал о том, чтобы его искать... Я потупил глаза в пол и почесал затылок. Я чувствовал себя еще более раздавленным, чем когда вышел из рабочего офиса.

– Боже, сынок!!! Прости свою глупую мать. Наверное, все женщины с возрастом становятся болтливыми и нравоучительными. Но я ни в коем случае не хочу тебя ничему учить, ты уже слишком взрослый мальчик для этого, – она крепко сжала мою руку в своих руках и поцеловала ее, – лучше расскажи, что за день сегодня был у тебя. Мне показалось, или ты сегодня сильно не в духе?

– От тебя ничего не скроешь. Да.

Она пристально вглядывалась в меня.

– Просто я не люблю сюрпризов мама, а из сегодняшнего сюрприза может выйти история.

– Ты можешь подробнее рассказать?

– Да так... необычное деловое предложение с необычным продуктом и необычным клиентом...

– Тебе не кажется, что слишком много необычного на один сюрприз?

– Кажется, но я уже ничего не могу изменить, – я, в свою очередь, сжал ее руку.

– Будь осторожен, Онту.

– Да, да, мама... я крепко ее обнял. – Мне пора идти.

– Конечно... подготовь мне только таблетки и, если не сложно, сделай бутерброд с ветчиной, я немного проголодалась.

Я встал и пошел на кухню. Через минуту оттуда послышалась ругань.

– Что случилось? – мать передернулась в кресле.

– Да так... палец слегка порезал, – я подошел к ней с тарелкой в одной руке, порезанный палец другой руки при этом держал во рту.

– Ровным счетом ничего не изменилось, – мама улыбалась доброй и искренней улыбкой, – в детстве я от тебя завязывала все шкафы, чтобы ты случайно ни на что не напоролся, и мой взрослый мальчик все равно находит острые углы.

– Мама... – я невольно улыбнулся.

– На, возьми... – ее лицо стало серьезным, и она протянула мне свой носовой платок с вышитым на нем инициалами, – боюсь, что сейчас я не найду тебе ни пластыря, ни бинта. перевяжи хотя бы им.

– Аххх, с кем не бывает. Мне просто нужно отдохнуть.

– Конечно, иди.

Я оставил ее сидеть на диване с подогнутой под себя одной ногой. Гостиная быстро уходила во мрак приближавшейся ночи – на улице вечерело.

Глава 4

На улице было всего начало седьмого, но кругом уже стемнело. Я давно снял свою перевязку и теперь просто мял платок в кармане своего плаща по типу того, если бы это были настоящие четки. Один темный проулок сменял другой проулок, один темный и грязный пригород сменял другой. Где-то далеко, по другую сторону города, сейчас в спальных районах улицы были освещены электрическим светом, днем и ночью там было светло, и, на первый взгляд, безопасно. Криминальная обстановка во всем городе была накалена, но там, где был свет, криминальная сторона жизни принимала несколько иную сторону в отличие от той, что царила в той части города, где проживали я и моя мать. Разница лишь состояла в том, что в спаленках жил богатенький преуспевающий класс города. Этим счастливым вместе с продажей квартиры в спальном районе продавалась еще и гарантия того, что этот уличный свет, зажигаемый по ночам, будет гореть у них всегда, независимо от обстоятельств: «Продается квартира в элитном районе со всеми коммуникациями: светом, водой и газом, – охраняемой территорией и ночным освещением!». Что же касалось нас, то гарантия ходить по освещенным в ночное и пасмурное время улицам исчезала сразу же, как только кто-то из жителей квартала не мог оплатить коммунальные услуги. Когда впервые остро встал вопрос об истощении месторождений нефти в Прикаспийской впадине и Персидском заливе, Мировое Правительство решило, что оно лишит прелестей коммунальных благ тех, кто не может ими грамотно распорядиться. Таким образом, отключение уличного света в ночное время встало в длинный черед воспитательных мер, которыми Правительство наказывало недобросовестных плательщиков. Эта мера наказания была очень популярна в высоких кругах, так как, во-первых, казалась действенной, а, во-вторых, была обусловлена истощением месторождений: «Мы дадим их только тем, кто может за них хорошо заплатить».

Я прошел еще один переулок. Меня уже минут 10 что-то беспокоило. Накатил необоснованный страх. Так бывало со мной и ранее. Вроде ты живешь обычной жизнью, но вдруг тебя накатывает волной паники, объяснить причину которой ввиду неожиданности ее возникновения представляется невозможным. Ты идешь, ты живешь с этим чувством, пока либо не сходишь с ума, либо не успокаиваешься сам собой с трудом.

Мне отчетливо казалось, что все эти десять минут меня кто-то преследовал. Что-то скрюченное, мешковатое делало уже не первый поворот вслед за мной.

Я решил проверить свое предположение. Впереди рядом с автобусной остановкой стоял одинокий живой еще фонарь, который отбрасывал слабый свет на площадку перед остановкой. Он освещал только краешек скамейки и одну из стен остановки, так что за задней стенкой снова наступала уже кромешная тьма. Я думал, что мне стоит ускорить шаг, чтобы оторваться от того, что преследовало меня, дойти до остановки и спрятаться за эту заднюю стенку, так чтобы меня не было видно. А потом...

На что будет потом, я не стал тратить времени. Я ускорил шаг, дыхание участилось, я добежал до стенки и спрятался за ней. Здравый рассудок подсказывал мне, что мне нужно притаиться, затаить дыхание и наблюдать за действиями преследователя. Так сначала и было. Что-то еще некоторое время пыталось нагнать меня, но упустило и теперь в замешательстве нерешительно приближалось к остановке. Постепенно из темноты начала выглядывать человеческая фигура, похожая на большой мешок, в который в старину ссыпали сельскохозяйственные культуры. Этот мешок боязно приближался на свет фонаря. Видимо, тот человек, который скрывался под этим мешком, был подслеповат или просто даже такой тусклый свет способен был ослепить его: он протянул вперед себя руки и попытался ими что-то нашарить в воздухе. Я чуть-чуть выглянул из-за своего убежища и одним глазом следил за его передвижениями. Короткие руки загребали воздух, пока, наконец, не наткнулись на фонарь. Он обхватил его

правой рукой, осторожно поводит по нему вверх и вниз грязными пальцами и остановился. Человек медленно поводит косматой головой в вязаной шапке из стороны в сторону, пока не опустит ее на правую руку, покоившуюся на фонаре. Он тяжело дышал. Сейчас он меньше всего напоминал мне преследователя, который следил за мной для того, чтобы обокрасть. Что-то другое было в этой понурой позе.

Пока я разглядывал его, человек шевельнулся. Мне показалось, что он тяжело вздохнул или даже застонал. Отнял голову от руки, руку от фонаря и медленно разворачивался в ту сторону, из которой пришел.

На меня что-то накатило. Я мигом выскочил из своего убежища, в три шага настиг мешка, схватил его за шиворот и потащил под самый фонарь. Человек еле сопротивлялся и прикрыл голову руками. Я потащил его под фонарь и сильно тряхнул, как копилку, из которой надеются вытрясти последнюю мелочь. Человек запищал и еще сильнее сжал голову руками. Я тряхнул его еще раз и с силой оторвал руки от лица, загнув их за спину мешка. На меня уставились два серых помутневших глаза, один из которых был слегка красным и слезился. Мелкие слезы стекали по его старому лицу. Над бровью красовался рубец.

Мое сердце сразу защемило. Что-то до боли знакомое было в этом немолодом страдальческом лице. Какой-то посыл мне отправляли эти мутные серые глаза. Пока меня не осенило.

– Янош!!!

– Онту, мальчик...

Я горячо обнял старика.

– Я ничего, ничего не слышал про Вас с отпуска Академии...

– Да, мальчик, да, мне пришлось тогда совсем несладко.

– Я так рад... безгранично рад.

– Я тоже, Онту, но нам лучше долго не стоять на одном месте...

– Какие-то проблемы?

– Проблемы у меня не прекращались с тех самых пор, как прошло наше совместное с представителями Комитета образования Мирового Правительства заседание. Задолго еще до отпуска...

– Пойдемте, Янош, я знаю неприметное местечко здесь.

Мы перешли через дорогу, прошли несколько метров вперед и свернули на неприметную лестницу, ведущую вниз, в место, которое называлось Коридор подвалов. Это был старый промышленный район города, в котором раньше располагались местные предприятия, окруженные кольцом жестяных контейнеров-домушек для рабочих. На такой контейнер приходилось по одному маленькому окошечку, сквозь которое просвечивал тусклый свет. Эти домишки тесно прилегали друг к другу, но свет из окон был все равно настолько неяркий и терялся в темноте, что пространство между одной и другой стороной жестянок, образовывавших коридор, как бы вернее сказать читателю, был чуть светлее, чем остальная темнота. Как в подвале, вроде и не полная темень, но и не столь светло, как раз чтобы чуть-чуть проглядывали очертания предметов, чтобы не наткнуться на их острые углы. Мы долго шли по этому коридору, пока не остановились возле одной жестянки, к стене которой был прибит горшок с петунией.

Я постучался.

Дверь приоткрыла черная фигура.

– А, Онту... засмеялись сверкавшие в темноте глаза, – А это кто? – глаза уставились на Яноша.

– Это свой, Нин.

– Хорошо, проходите, – щелкнул запор, и дверь открылась.

Мы быстро прошмыгнули внутрь.

Нин, хозяин заведения, провел нас через всю комнату и усадил за стол в углу комнаты.

– Прямо как в шпионских детективах или боевиках, – Янош приглаживал руками свои взъерошенные космы.

– Вы, наверное, голодны, Янош. Я сейчас что-нибудь закажу, – я приподнялся и пошел к барной стойке. Когда я вернулся через три минуты, я застал Яноша облокотившимся о стену. Он спал.

– Янош... – я тихонько потрепал его по плечу.

– А! Что? – он вскрикнул и встрепенулся. – Это ты... он снова спит.

– Держи.

– Говяжьки колбаски! Какая непозволительная роскошь для меня, – и с минуты две было слышно только его чавканье.

– А знаешь, Онту, ты несчастен.

– Да? Почему?

– Я чувствую.

Я хмыкнул. Еще две минуты мы сидели в тишине, пока Янош доедал колбаски.

– У тебя был такой талант, и вдруг все в один миг разрушилось. Ведь если я скажу, что ты вновь не возвращался к этому делу, я не ошибусь?

– Не ошибешься...

Он грустно улыбнулся.

– Сразу после развала Академии я пошел на курсы по программированию, через полгода поступил в университет, закончил его, устроился в исследовательскую лабораторию и теперь работаю ученым.

Я сам кисло улыбнулся после сказанного.

– Мне самому смешно все это, – я отвернулся от Яноша и сделал вид, что высматриваю пятно на полу, хотя на самом деле просто хотел скрыть досаду, выпрыснувшую на мое лицо.

– Пока я учил вас, я сделал для себя один очень важный вывод.

Я снова посмотрел на него, прямо в глаза. Он не выдержал моего взгляда и опустил его на стол, а в руки взял тканевую салфетку и начал тереть ее.

– В этой жизни ты должен оправдать только свои собственные ожидания, ожидания от самого себя. Не оправдаешь чужих ожиданий – это их проблема, не оправдаешь свои – это твоя катастрофа. Я часто задумываюсь о том, кем бы вы все могли стать, не случись того тогда. У нас отняли Академию, право писать по старинке, возможность рисовать по старинке и еще что-то рукотворное привносить в общество... Ты пошел по ожиданиям твоего отца...

Я снова ухмыльнулся. На этот раз к горлу подступил комок.

– Я практически ничего о нем не знаю. Он считал себя компьютерным гением, ушел от жены и маленького ребенка в неизвестность и за все эти годы не дал о себе знать.

– Я не спорю и даже не сомневаюсь в этом. Но кто тебя знает, может, пойдя по его пути, ты решил, что так сможешь быстрее его отыскать?

– Я? Что? Я не понял...

Янош кинул салфетку обратно на стол и теперь второпях ощупывал карманы своего пальто.

– Я не понимаю, Янош.

Тот как-будто не замечал его и продолжал заниматься поисками неизвестно чего.

Я спрашивал его, но ответа получать не хотел. Слишком больно укололи меня его слова.

– Ты надолго здесь, Янош?

– Нет. Мне нельзя было сюда возвращаться, но слишком сильно меня потянуло к своим корням.

– Где ты сейчас?

– Я езжу.

– В каком смысле?

– В прямом. Езжу.

Я по-прежнему смотрел на него со слегка вздернутыми от удивления бровями.

– Ну, хорошо, разъезжаю. Мне опасно оставаться на одном месте даже самое короткое время, поэтому мне ничего не остается, как постоянно находиться в движении: с поезда на поезд, с попутки на попутку, с одной укромной тропы на другую. Я изгой, Онту.

– Жизнь не могла с тобой так поступить...

– Но как видишь. Если бы я был свободен, я бы уже давно стал писателем и опубликовал книгу о своих житейских передрягах, и, возможно, получил бы за это приличные деньги. Но я персона нон-грата.

– Это неправда! Тебя давно уже простили и забыли о тебе.

– Нет.

– Да!

– Не будь кроликом в розовых очках, Онту! – он начал раздражаться.

Я замолчал.

Янош еще какое-то время ерзал на своем месте, но потом внезапно раздался его крик.

– Что случилось? – спросил я.

– Они... они здесь.. там.. их тени... он вскочил из-за стола и вжался в самый угол.

– Кто, я не понимаю?

– Они там, за окном, они следили за мной! Нужно уходить, – он весь трясся.

– Бежим через запасной выход!

Я схватил его за руку, и мы выскочили через запасной выход на другую сторону коридора. Я потянул его в сторону лестницы, по которой мы спускались сюда.

– Нет! – он вцепился мне мертвой хваткой в руку, – срочно на вокзал или на пригородную ветку.

И мы дернули. Один проулок сменял другой, жестянки то появлялись, то исчезали, было то совсем темно, то где-то мелькал свет. Мы бежали как угорелые. Наконец впереди показалось здание Восточного вокзала. Мы проскользнули в ближайшую дверь и оказались на торговой галерее, которая шла параллельно путям. Через огромные окна был виден одиноко стоящий на перроне состав, который блистал огнями и, видимо, вот-вот отправлялся. Машинисты начинали закрывать двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.